Грозный идол, или Строители ада на земле

Автор:
Анатолий Эльснер

Грозный идол, или Строители ада на земле

Анатолий Оттович Эльснер

Horror Story (Рипол)

Анатолий Эльснер – один из самых удивительных писателей Серебряного Века. Для него не было сложных и запретных тем. В романе-предостережении «Грозный идол…» выдающийся литератор впервые в истории русской словесности заговорил об опасности тоталитарных сект.

История поселения Зеленый Рай, начавшаяся как поиск Света, оборачивается кровью и страданиями: лидер общины упивается экстатическими практиками, к власти приходят мучители и психопаты, и вскоре каждому взрослому человеку предстоит сделать страшный выбор…

Анатолий Оттович Эльснер

Грозный идол, или Строители ада на земле

© Марков А. В., вступительная статья, 2021

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2022

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

Потерянный ад: о романе Анатолия Эльснера

Книга, которую вы открываете, может с первых страниц показаться чем-то знакомым, и это неудивительно: ее сюжет поразительно напоминает появившийся почти через полвека роман «Повелитель мух» У. Голдинга. Его можно изложить в двух словах: диковатые потомки беглых каторжников создают утопию, которая на наших глазах превращается в концлагерь. Почему так происходит, что заставляет людей, вроде бы умеющих быть вместе, чинить насилие друг над другом, карать за малейшую провинность и приносить человеческие жертвы все новым и новым идолам? На этот вопрос отвечают многие произведения: вспомним галерею злодеев от Уэстона в «Мерзейшей мощи» К.-С. Льюиса до Долорес Амбридж в «Гарри Поттере» Дж. Роулинг, заменяющих дружбу, любовь и заинтересованность в другом человеке формальной отчетностью, поспешным и всегда корыстным достижением близоруких целей, равнодушием и презрением ко всему непохожему. Такой злодей есть и в романе Эльснера – мизантроп, сребролюбец и насмешник над всем святым, который показался бы нам почти шутом, если бы не был настоящим соблазнителем, насильником и убийцей.

Можно сказать, что роман Эльснера повествует о явлении антихриста, который творит ложные чудеса, вызывает призраков, колдует и завораживает, шаг за шагом превращая мирную деревню в тоталитарную секту, из которой нет выхода. Тема антихриста как соблазнителя была развита в русской литературе той поры: достаточно указать на «Три разговора» (1899) Вл. С. Соловьева, исторический роман Д. С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» (1903) – про ожидание народом антихриста в петровскую эпоху, и недооцененный пока роман В. П. Свенцицкого «Антихрист. Записки странного человека» (1907), вышедший в том же году, что и «Грозный идол…», и продолжающий лучшие традиции Достоевского. Во всех случаях антихрист – тот, кто творит ложные чудеса, не отличаясь при этом большим красноречием: он может много обещать, может выступать перед публикой, но по-настоящему планомерно совращать – не может. Поэтому этот антигерой поспешно переходит к насилию или к угрозам насилия и, не успев сказать двух слов, уже избивает и убивает, чем отличается, например, от либертенов маркиза де Сада, для которых речь – главный инструмент действия.

В варианте Эльснера антихрист – торжество низовой телесности: храп, утробные звуки, жадное обилие плоти, причмокивание и пот; читая ключевой эпизод об изнасиловании Сусанны, которое должно было дать начало новой лжерелигии,

кажется, что читаешь Владимира Сорокина, а не автора более чем столетней давности. Дело не только в том, что Эльснер хочет сразу внушить отвращение к злодею, но прежде всего в том, что зло не имеет собственного лица, оно прячется в складки тела, в грубую гортань, в кошелек с серебром и визг приказов. Показать зло оказывается делом очень трудным, но рассказать о нем – делом необходимым.

Действие романа происходит где-то на Кавказе, вероятно, в нынешнем Краснодарском крае или Абхазии, недалеко от моря, – то обстоятельство, что вольные жители деревни одновременно землепашцы, строители и рыболовы, отчасти превращает роман в волшебную сказку, в повесть об острове Буяне или Беловодье. В реальной жизни такая деревня была бы невозможна – обычно мореплаватели, подолгу отсутствующие дома и решающие все вопросы коротко и ясно, не терпят в своей среде людей авторитарного склада и быстро ставят их на место. Среди них могут появиться пиратские обычаи, но не примитивное идолослужение, как у оседлых земледельцев. Но для Эльснера такое обилие земли и воды плодами и рыбой – метафора того, что философ И.-Г. Фихте в начале XIX века назвал «замкнутым торговым государством», противопоставив его универсальной империи Наполеона. Согласно Фихте, возглавлять такое государство должен правитель-виртуоз, дирижер, который позволяет всем людям гармонично развиваться, усмиряя пороки и выставляя напоказ добродетели. Эльснер показывает, что среда гармонично развивающихся людей не может выставить такого дирижера, но при этом оказывается беззащитна перед обнаглевшим тираном.

В этом смысле роман Эльснера – настоящий мистический хоррор: в нем показано, как быстро зло овладевает душой человека и как разного рода потусторонние явления или намеки на них тоже оказываются завербованы злом. Неслучайно один из главных символов романа – зеркало: образ зеркала, в котором отражаются духовные сущности, оказывается решающим в переходе от наивной коммуны к кровавому идолослужению. Это не метафорическое зеркало («глаза – зеркало души»), это настоящее и страшное зеркало, в котором являются неизжитые призраки прошлого, а еще больше – непредсказуемые призраки страшного будущего.

Строго говоря, герои этого «страшного романа» ни в чем не повинны – они потомки каторжников, умевших находить общий язык с разбойниками и местными жителями, они доброжелательны и открыты, они не знают, что такое воровство и злоупотребление чужим вниманием и чужими силами. Казалось бы,

у них должно быть все хорошо – как в Австралии или Новой Зеландии, куда тоже ссылали заключенных, или как у живущих в Аргентине старообрядцев, которые ходят в одежде трехвековой давности и при этом без проблем общаются с коллегами по ремеслу. Но роман показывает, в чем их ошибка: они разучились находить общий язык с другими. Для них простое телесное существование, счастье растворения в природе, восторги и танцы заменили тот разговор с иным человеком, даже с соседним разбойником, благодаря которому только и появляется ответственная политическая мысль. С первых страниц – про жизнь на лоне природы, встречи восходов и закатов, прогулки по рощам и мирные работы – нам уже страшно: мы чувствуем даже не хрупкость этой утопии, а то, что все демоны уже собрались здесь и только ждут, чтобы вступить в дело. Тень концлагеря с первых фраз висит над этим ложным Китежем, а когда Эльснер до беспощадности аналитично начинает рассказывать, как строили этот концлагерь, остается только ужасаться.

Роман Эльснера можно считать первым русским «хонтологическим», «призракологическим» романом, если вспомнить созданную Жаком Деррида и разработанную Марком Фишером науку «хонтологию» – изучение призраков, сопровождающих социальную жизнь. Это не только призраки прошлого, непроработанных травм, ностальгии, неизжитых заблуждений, но и гораздо больше – призраки будущего, неосмотрительности, повторяющихся ошибок, самонадеянности. Любое самодовольство, даже самое малое и незаметное, согласно Деррида и Фишеру, и вызывает этих атакующих призраков, делающих невыносимой социальную жизнь.

Анатолий Оттович фон Эльснер (1856–1916[?]) происходил из дворян Херсонской губернии. Его родители много делали для развития образования: отец был инспектором училищ, а мать, урожденная Гауэншильд (вероятно, родственница знаменитого директора Царскосельского лицея Ф. М. Гауеншильда), была литератором и педагогом. Он начал публиковаться в 1880-е годы (под разными псевдонимами) и получил признание именно как автор «страшной» фантастики. Писал он также поэмы, биографические сочинения, интересуясь прежде всего судьбами чрезвычайных людей, великих злодеев.

Одно время Эльснер был близок Л. Н. Толстому и даже предлагал в издательство «Посредник» свои произведения, посвященные «успешным» сектам – так, его повесть «На Новой Земле» (1888) представляла собой беллетризованную биографию Уильяма Пенна, вождя квакеров и создателя Пенсильвании. Толстой хотел напечатать эту повесть, но потом передумал, обнаружив в ней натяжки и

исторические ошибки. Пенн в изображении Эльснера оказался просто бескорыстным и щедрым вождем, тогда как Толстой, сравнив рукопись Эльснера с более основательным трудом Диксона «Благодетели человечества. Вильям Пенн, основатель Пенсильвании» (1873), пришел к выводу, что Эльснер не учел, что выдающийся еретик был зависим от конституционализма Джона Локка и насколько руководствовался серьезными политическими размышлениями, а насколько эмоциями. Не увидели печати и другие рукописи Эльснера, написанные в поддержку толстовства, – например, роман «Под сенью Креста», посвященный протестантам. Вероятно, именно эта неудача заставила Эльснера задуматься, не бывает ли добрыми намерениями выложена дорога в ад.

В его сочинениях явно прослеживается поверхностное увлечение спиритизмом и магией (в понимании той поры) – во всяком случае, если не сюжеты, то ключевые символы его романов связаны с оккультными практиками рубежа веков: спиритические сеансы и т. д. Есть у Эльснера и отсылки к более древней магии, такой как мнимое оживление статуй, чревовещание, симпатию – иначе говоря, привлечение одних вещей другими, которое может использоваться в корыстных целях. Но данный роман – это не трактат по истории религий или правилам эзотерики, а именно «хонтология», рассказ о страхах, которые сопровождают даже вроде бы спокойное человеческое общество.

Интересно, что в его романе все отрицательное для героев, например почитание икон, ангелов и святых, в котором они усматривают опасность идолослужения и стяжательства, соперничества разных храмов за богатство, ассоциируется не с православием, а с католичеством. Конечно, Эльснер мог опасаться ареста книги, содержащей нападки на господствующую церковь, но, думается, причина здесь и в дурной репутации католичества, в формирование которой вносили вклад разные писатели, от Эжена Сю до Достоевского, что стало поэтому общим местом в литературе той поры. Это и позволило Эльснеру сначала привлечь несомненную симпатию читателей, в том числе православных, к самодеятельному протестантизму, а потом проанализировать истоки зла, замечательно использовав весь инструментарий приключенческой беллетристики его времени.

Читать роман Эльснера в наши дни – один из лучших способов познакомиться с духовной атмосферой Серебряного Века, которая привлекает внимание и наших нынешних писателей, достаточно указать на такие романы, как «Остромов, или Ученик чародея» Дмитрия Быкова или «Поклонение волхвов» Сухбата Афлатуни. Хотя Эльснер и не был столь изобретателен и парадоксален, как Андрей Белый в

романе «Серебряный голубь», лучшем произведении Серебряного Века о сектах, он смог создать уже не рассказ об отдельных человеческих судьбах, но подлинный хоррор: для того, чтобы разобраться в происходящем, читателю придется не только удивиться или остановиться в недоумении, но и испугаться.

Александр Марков,

профессор РГГУи ВлГУ

Пролог

Деревня Зеленый Рай находилась в исключительных, чрезвычайно благоприятных условиях. Расположенная в горах Кавказа над берегом беспредельного Каспийского моря с одной стороны и девственными сосновыми лесами, шелестящими в голубом воздухе своими зелеными куполами, – с другой, она в полном смысле слова могла назваться маленьким раем посреди необъятного ада, названного Россией. Существование этого рая так и осталось неизвестным как для местных губернских властей, так и для администраторов, заседающих в Петербурге, – отцов нашего народа, – управляющих Россией с помощью земских начальников и полицейских властей. Никогда еще ни один полицейский чин не появлялся в Зеленом Райке, и это было такое счастье, что, казалось, рука Всевышнего охраняла этот уголок от злого духа. В том, что Зеленый Рай не был известен властям, не было ничего удивительного: Кавказ со времени своего покорения, наводняясь чиновниками – по городам, на своих горах и в особенности вдоль Каспийского моря, сохраняет свое девственное величие, и есть места, на которых как бы запечатлен «перст Божий»; ничья еще нога не оскверняла их… Зеленый Рай стал образовываться лет восемьдесят назад, и первые его создатели были два брата-каторжника, сумевшие убежать, с помощью своих жен, из острога. Такое начало, по мнению благомыслящего читателя, не обещало ничего хорошего, но я позволю себе заметить только одно: если бы дьявол пожелал делать «печати Каина» на лбу братоубийц и самых отъявленных негодяев, то он бы и здесь сплутовал: негодяям позволил бы продолжать заседать на своих бархатных креслах, а печатью своей стал бы клеймить «простых сердцем».

Два брата-каторжника, на ногах которых кандалы были разломаны их женами, днем скрывались в лесах, а ночью совершали свой путь по звездам от Воронежской губернии к Дону и далее на юго-восток. Днем их охраняли женщины, а ночью – глубокая тьма, и благодаря этим покровителям братья-каторжники после долгого странствования увидели себя посреди гор и лесов девственно-величественного Кавказа. Радость и веселье наполнили их ожесточившиеся сердца, и что может показаться удивительным, вместе с чувством свободы и сознанием, что здесь, посреди природы, на них не смотрят ничьи коварные, подозрительные глаза, за исключением разве милосердного ока Господа Саваофа, глядящего с небес, в их собственных глазах начали светиться умиление и доброта, между тем как прежде из этих же глаз сверкали ненависть, ожесточение и злоба. Здесь, посреди необъятного храма природы, в их сердцах совершилось чудо: как бы какой-то ангел, сбрасывая с себя цепи, которыми был обвит по распоряжению властей, поднимался из глубины их существа радостный и лучезарный, и им казалось, что он нашептывает: «Неправда, что вы злодеи и изверги, и верьте, что вы созданы для мира, любви и счастья, но невежды, не умея управлять людьми, били вас плетьми и гнали вас напрасно, и тогда в ожесточении вы взяли нож в руку, не понимая, что делаете: вы мстили за поругание ваших священных прав человека».

Путешествие, однако же, было длинным и изнурительным, так как, опасаясь погони, они избирали самые дикие места, где не было человека, переходили высокие горы, опускались в долины и блуждали по почти непроходимым лесам. Уходя все дальше, они хотели отыскать совершенно безлюдное место и там, на лоне природы, заняться обработкой земли, никому за нее не платя ни копейки, потому что единственный собственник ее – Бог, а с Ним, если и надо вести какие-либо счеты, то, во всяком случае, не денежные. Я не думаю, чтобы они были правы, потому что все самостоятельно исходящее из мужицкой головы – преступление и вздор, а из привилегированных голов бюрократов – светлые, падающие, как Божия роса, освежающая землю, идеи, но они, не понимая этой истины, вообразили, что могут поселиться на кусочке этой чудной пустой земли, не ведя никаких счетов с полицейскими чинами, а обращаясь с молитвой к Богу и платя Ему своей горячей благодарностью и слезами радости. Невежественные люди! – они не знали, что сам апостол Павел учил повиноваться земным властям и вообще всякий россиянин должен знать, что устами каждого земского начальника говорит Сам Бог, а потому, сколько у нас стражников и всякого иного начальства на Руси, столько и богов: молись кому хочешь, лишь бы была охота, да сердце чистое, а они уже позаботятся о тебе. Сомневаться в этом совершенное преступление и потому еще, что «ни один волос не упадет без воли Божией», а если это так, то только негодяй может не понимать, что без

одобрения небес ни одна березовая лоза не упадала на спины серой Божией скотины – мужика.

– Какой рай вокруг, какой рай! – воскликнул раз старший брат-каторжник Демьян в то время, когда они стояли на вершине высокой горы.

Демьян был человек низенький, широкоплечий, с большой головой, на которой росли густые, черные волосы. Спускаясь книзу на висках, они сменялись такой же черной бородой, которая окружала его лицо с выразительными большими глазами, высоким лбом и орлиным носом. Другой беглый каторжник, Осип, был высокий человек, голубоглазый, с бледным лицом, окруженным светлыми волосами. Одеты они были в изорванные толстые рубахи, с серыми арестантскими шапками на головах, их жены – молодые бабенки – смотрели на них радостно и с любовью. Природа действовала на всех, наполняя их сердца весельем и заставляя забыть их мучительное прошлое.

Они долго стояли молча, то озирая окрестные виды, то устремляя взоры в голубое небо.

Внизу под ними на необъятном пространстве расстилались зеленые холмы, возносясь кверху своими куполами и кое-где чередуясь с гигантскими горами, которые гордо возносились к небу своими вершинами, подобно великанам посреди зеленых, резвых детей. Где-то внизу шумел водопад, в то время как сверху слышались крики орлов, пролетающих под голубым небом на распластавшихся неподвижных крыльях. На востоке виднелась полоска Каспийского моря, казавшаяся гигантским блюдом из голубого хрусталя.

– Да, рай, – ответил Осип. – Смотришь, и так легко на душе. Чуется, что здесь один Господь над нами, да Его ангелы, может, пролетают, и дела им нет, что мы беглые каторжники и… без паспортов.

– Это по людским понятиям – каторжники, а для Бога все равно – что каторжник, что губернатор: у того-то на душе, может быть, столько грязи, что и лопатой не снимешь, а у нас поменьше… Нас сковывали цепями, да вот расковались они, а по-правильному рассудить, то есть цепь одна для всех людей: кует ее дьявол в аду из злейших скорпионов самых черных грехов, и кого крепче оплетает ею – губернатора ли, или мужика, – об этом не думаем. Ну, ладно, были острожниками, и конец: здесь мы вольные люди, и на этой вот горе я самый

первый дворянин после Адама.

С последним словом он выставил ногу, подбоченился и со смеющимся лицом начал поглядывать вокруг себя гордыми глазами.

Все засмеялись.

– Первые вы дворяне оба, – заговорила жена Демьяна, весело посмеиваясь, – а мы, значит, дворянки будем.

– А мне хочется плясать – ай-люли! – воскликнула другая бабенка и, ударив в ладоши, завертелась на месте.

– Стойте вы, бабы!

Женщины остановились.

Осип стоял с серьезным лицом, держась пальцами за кончик своей длинной бороды, и задумчиво проговорил:

– Это ты правильно: посреди этого Божьего храма мы – свободные люди, цари, как и эти вот птицы, что парят над нами… – Он указал на орлов. – Только долго ли будет так? Это первая дума, от которой ум мутится… А вторая вот какая: надо нам отыскать что ни на есть пустое место, где нога не ступала бы человека, и поселиться там. Бог поможет – волк не съест и полицейский не прицепится, потому что его не будет там. Жить же мы будем в мире и любви не по человеческим правилам, а по правде Божией, и станем мы землю обрабатывать от зари до зари в поте лица, как и сказано в книгах святых: «Человек в поте лица ешь хлеб свой». Надеюсь я, Бог прострет над нами руку Свою и спасет нас и от гадины злой, и от лесного зверя, и, что опаснее всех лютых зверей, от человека недоброго, который прицепится: дайте паспорт, а у нас его нет. Поживем, и дети у нас будут, а потом…

Он остановился с видом смущения, глядя на Демьяна, так как последний неожиданно захохотал.

– Что смеешься-то? Разве я несуразное что сказал?

– Расписал больно уже, вот мне и смешно стало, – проговорил старший брат своим басистым голосом, весело смеющимися глазами глядя на Осипа. – Вот и наши бабы смеются.

Действительно, обе женщины, взявшись за руки, подплясывая и ласковыми глазами поглядывая на Осипа, с неудержимой веселостью звонко хохотали. – Ну, что гогочете вы, бабы! – воскликнул Осип.

– Да вот рожать много придется нам по твоему рецепту, – ответила его жена, не переставая хохотать. – Думаю, что ни год, то двойней или тройней придется рассыпываться, потому ты, чаю, целое царство хочешь основать.

– Бабы – дуры, не смотри на них, Осип. Что куры кудахтают, что бабы смеются – все одно. Я же вот что тебе отвечу на твои слова: бежать нам еще далее ни к чему, потому и тут пустыня, паспортов, значит, и не потребуют… Селись, где хочешь, работай над землей, она Божья… Будем хлеб есть от трудов своих, а бабы детей рождать, чего лучше…

– А если нас по загривку да плетьми, как беглых… что тогда? – воскликнул Осип дрогнувшим от волнения голосом, и слова, сказанные им, были так ужасны, что женщины, как бы сразу похолодев, неподвижно уставили на него свои испуганные глаза.

– Плетьми! Ну, брат, шутки шутишь. Теперь я прямо ножом в самое сердце…

Демьян грозно посмотрел на брата, черные глаза его сверкнули и в руках блеснул нож.

– Оставь эту штуку, спрячь ее, с ней всегда плохо, и пока в руках она, от беды к другой будешь переходить…

Говоря все это, Осип заставил брата спрятать его нож и продолжал:

– Лучше уйти нам, где нет никого, окромя зверя, чем с человеком войну вести. Здесь не так уж пусто, как ты гадал, вон, смотри…

Осип указал рукой на высокую отвесную скалу. Внизу зияла пропасть, а над нею по узенькой площадке, между скалой и пропастью, тянулись один за другим несколько всадников в папахах, бурках и с ружьями на спине.

Все стояли с устремленными на них одновременно с любопытством и испугом глазами, а Демьян даже с восторгом.

– Ловкие, черти! Почти что висит над бездной, а смотри, сидит на коне царем каким.

– Вот так и чудится, что стражники с нашего села Кулаки, и схватят нас, и к земскому отведут, и пропадай головушка моя, – испуганно проговорила жена Демьяна.

– Баба – дура. Стражник – христопродавец, холоп и куриная душа, а это – орлы… разбойники, это вот вернее будет.

Проговорив это, Демьян снова стал любоваться видом всадников, лошади которых спокойно ступали по краю отвеса.

– Коли разбойники, то уже не так страшно… – начала было его жена, но Осип решительно проговорил:

– Идем дальше искать места, где не ступала бы нога человеческая. В пустыню пойдем, и пустыня одна нам ответит, клейменым людям: мир вам.

С последним словом Осип двинулся вперед и за ним его брат и женщины.

Прошло несколько дней.

Солнце начало уже падать куда-то за горы, оставляя на небе огненно-красный круг, когда два каторжника и их жены подымались по крутой горе к вершине. Гигантские дубы, кипарисы, чинары – все эти деревья возносились высоко кверху, образуя в вышине ярко-зеленые купола, а внизу было свободно, как среди зеленых коридоров. Было так тихо, что звуки от падающих желудей раздавались как удары свинцовых пуль. Изредка раздавался шум крыльев пролетающих фазанов, и потом снова все замирало, пока какой-нибудь зверь не

нарушал его шумом ломаемых им ветвей.

– Замаялась, – сказала жена Осипа, приостанавливаясь на месте. – Ишь, горища какая, словно к небу подымает нас…

– И хорошо, – шутливо отозвался Осип, – на небе паспорта не спросят. Думаю я, что это настоящая пустыня и есть, где до Бога близко, а до земных чертей далеко.

Демьян захохотал:

– Да ты доберись сначала до вершины-то. Может, и там лес или вершина такая, что только орлам летать: так как же пахать землю-то будем…

Осип молчал, но не прошло и нескольких минут, как все они внезапно остановились, пораженные открывшейся их глазам картиной.

Вершина горы, на которую они взошли, представляла ровную площадь, покрытую бархатисто-зеленым ковром. За этой площадкой гора шла пологими уступами книзу, наподобие гигантской вечнозеленой лестницы, созданной для восхождения вестников, воспевающих хвалу Богу. В самом низу, подползая одна за другой, с тихим ропотом ударяли о берег прозрачно-зеленоватые волны беспредельного Каспийского моря. Где-то в необозримой дали как бы падал в море огненно-красный шар солнца, набрасывающий на море золотисто-багряную ризу.

Каторжники и их жены неподвижно стояли на месте, пораженные открывшейся им картиной и испытывая какой-то молитвенный восторг. Вдруг Осип, опускаясь на колени, воскликнул с необыкновенной уверенностью:

– Это место нам дал Бог – нам и нашим детям и внукам, ибо этот зеленый рай – пустыня, в которую еще не вступала нога человеческая. Станьте все на колени.

Голос Осипа звучал величественной силой, и потому женщины сейчас же упали на колени, а старший брат опустился медленно, борясь со своим самолюбием.

– Обещайтесь – в поте лица возделывать хлеб ваш, и все, что даст нам эта земля.

– Обещаемся.

– Обещайтесь жить в мире и согласии как меж собой, так и в будущем, когда будут у нас дети и внуки; искать одной правды, не обижать ни малого, ни большого, не подымать руки на бессильного или женщину, больше всего слушаться совести своей, и она одна будет для нас и наших внуков царицей в белом ангельском уборе.

– Согласны.

– Обещайтесь за себя и внуков ваших, что отрекаетесь от прежнего мира, где за деньги распинается истина и совесть, как когда-то Христос был распят, где бедняка щелкают кнутом за каждый неверный шаг, а перед богатым разбойником рассыпают, как бисер, льстивые слова…

– Обещаемся, – воскликнули женщины.

– Да будет он проклят… этот мир! – вскричал Демьян, и глаза его сверкнули.

– Потише, брат мой. Мы в храме Бога не проклинать должны, а понимать и очищаться.

Проговорив все это тихо и кротко, Осип опять возвысил голос:

– Обещайтесь Бога иметь, Который на небе, и другого в сердце – чистую совесть. Только этих богов чтите больше, потому что, когда совесть чиста, то лик Бога отразится в ней, как ваше лицо – в ясной воде, и глас Его услышите в сердце. Не говорите никогда, что не видите Его: Он в глубине существа вашего, а когда не увидите Его в себе, знайте: Он отошел от вас, и тогда падите на лицо свое и смотрите в свою совесть – чиста ли она? Вот все боги наши, а других, с бородами, и усами, и алмазами, нам не надобно, ибо среди многих богов потеряете себя и станете думать, как католики: святой Бонифаций, я вот сотню рублей выложил для тебя, а все нет мне радости видеть, чтобы Вакула разорился; так я вот выложу для Пахомия двести, и он сведет судорогой руки и ноги Вакулы. Великое кощунство это и великая глупость – рисовать на дереве богов. Аминь.

– Аминь, – возгласили женщины и Демьян, и все поднялись с колен.

Они долго стояли, не двигаясь, очарованные величием окружающего и потрясенные клятвой, данной ими всеми. В голове Демьяна проходили даже такие мысли: «Ишь, мой младший брат как заговорил – церковник и начетчик. Откуда это в нем – сила такая? Вот и мои колени словно сами подогнулись, хотя не по нраву мне смирение этакое, но здесь и взаправду словно в храме Божьем. Много крови на душе моей, убитые мелькают перед глазами – так послушаюсь Осипа, хоть он и младший брат, ничего: буду смотреть в совесть свою, и здесь в пустыне, может, и вправду найду счастье и мир».

Пока он так думал, женщины и Осип стояли неподвижно, охваченные как бы какой-то молитвенной радостью, и все смотрели на горизонт, где солнце падало в море: им казалось, что Сам Бог погружает его в водную пропасть, чтобы потом снова поднять с другой стороны.

Вдруг среди царившей тишины послышались странные звуки, шум как бы падающих ветвей, точно среди деревьев шли какие-то сердитые люди, все ломая на пути своем.

Женщины вскрикнули, и даже Демьян испуганно вздрогнул и по привычке вынул нож.

– Пропадай, головушки наши, – завопила его жена, делая движение спрятаться куда-нибудь. – Чует сердце мое – не кто иной это, как сам становой со стражниками… погоня, значит… Пропадай, головушка!..

– Вот нам и пустыня, вот и наша земля… Идут они, окаянные… голубчики мои, пропадаем…

Демьян стоял с ножом, поднятым над головой, в то время как женщины голосили, а его брат укоризненно покачивал головой, с благодушной улыбкой посматривая на них.

Все смотрели в сторону леса, на место, откуда слышался шум. Он делался все громче, что-то сломалось и упало совсем близко, и вдруг между деревьями, на самом краю горы, все увидели незнакомца в серой шубе, стоящего на двух задних ногах и держащего передними огромную соту дикого меда. У ног его

прыгали два маленьких медвежонка.

Радость отразилась на всех лицах, и жена Демьяна проговорила, простирая вперед руки:

– Мишенька, милый, так ты не становой…

– Прости, что обидели тебя, Миша, приняв за его высокородие, продажную душу, – заговорила жена Осипа, тоже простирая вперед руки. – Знаю, ты не подлая душа, а хороший честный медведь…

– Здравия желаю, ваше высокородие, – сказал Демьян и спрятал нож.

Медведь стоял неподвижно и, видимо, сильно озадаченный, он удивленно смотрел на всю компанию, продолжая держать в зубах медовую соту.

I

Прошло много лет.

– Груня моя, смотри, как солнце подымается из-за горы – ясное и розовое: таким и человек должен быть в юности своей – светлым и радостным. Иначе что нам и жить, а между тем, личико твое что-то затуманено сегодня…

Все эти слова, целуя и обнимая девушку, говорил высокий, стройный юноша с соломенной шляпой на голове и в белой рубахе, перетянутой в талии голубым поясом. В его румяном, почти круглом лице, по сторонам которого спускались светло-золотистые волосы, было что-то смелое, жизнерадостное и вместе с этим ласковое и кроткое. Из больших ярко-голубых глаз лился свет, как бы бросая лучи на все лицо его с ровным носом, двумя полукругами русых бровей и полными улыбающимися губами. Девушка-блондинка с толстой косой, спускающейся до талии, сидела неподвижно и слушала его, подняв ровные, сросшиеся посредине брови и устремив кверху светлые задумчивые глаза с таким видом, точно она вчитывалась в какую-то таинственную надпись. Ее загорелое, розовато-смуглое лицо с твердо сжатыми яркими губами и с орлиным

носом было задумчивым и печальным. Видя, что она не отвечает ничего на его слова, юноша снова заговорил:

– Дивная ты сегодня, невесточка моя, подруженька… Ну, голубочка Груня, не будь же такой задумчивой… Смотри, как хорошо кругом в нашем Зеленом Раю, как хорошо…

– Да, очень хорошо у вас, – тихо сказала Груня, глубоко вздохнув и продолжая смотреть вверх.

Над ними на огромной высоте был распростерт как бы вечнозеленый шатер из древесных куполов, переплетшихся между собой. Еще ниже, точно исполинские руки, простирались ветви, а еще ниже – огромные красноватые стволы, точно колонны, воздвигнутые волшебником. Солнечные лучи тянулись по всем направлениям, как золотистые волосы невидимого, светлого и радостного бога. Только с одной стороны леса, сквозь просвет деревьев, виднелось море, такое же голубое, как и небо, распростертое над ним.

– Очень хорошо, – повторил тоном девушки парень, – но на сердце у тебя не так – там кручина какая-то, и по личику скользят тени, словно тучки небесные… Душа моя болит, когда смотрю на тебя, а ты молчишь и таишь что-то, а так нехорошо: скоро я откроюсь перед миром в любви к тебе и поклянусь, что спрашивал совесть свою… и она мне ответила: будь ей мужем…

В лице Груни прошло необыкновенное оживление и, положив руки на его плечи, но все-таки продолжая смотреть вверх, она сказала:

– Бог один на небе, а совесть переменчива, и вы, слабые люди, сделали ее как бы богом…

– Что ты, Груня, помилуй… Бога мы не видим, и скудным разумом никогда не поймем, какой Он, но голос Его слышим в совести… Прадед Осип так всех учил: по совести будете знать о Боге, и учил он хорошо, и я думаю так оттого, что вера наша простая давала нам всегда радость и счастье… Вот я слышал, что в других местах ходят люди, как ослы под ярмом: другие их мучают, а у нас же, смотри, работают в виноградниках – песни поют, и всегда – радость, и свободны мы, как птицы, и потому так, что один у нас начальник – совесть.

– Это очень хорошо, – сказала вдруг Груня, на губах ее появилась радостно-светлая улыбка, и с этой улыбкой она оплелась руками вокруг шеи юноши. – Алеша мой, ваша вера настоящая, и я думаю, что и Сам Христос бы сказал: в чистой совести исполнение всего, о чем учил. Перебегу от духоборов к вам и буду женой твоей…

Вдруг она опустила голову и, как бы внезапно охолодев, снова сделалась задумчива и печальна. Юноша, только что сильно обрадованный, опять озабоченно стал расспрашивать ее о причине внезапно охватившей ее грусти. Тогда девушка, глядя зрачками глаз сквозь длинные ресницы на небо, тихо и таинственно проговорила:

– Есть у нас, у духоборов, старец, сто двадцать лет ему, и считается он у нас как человек, в котором дух святой, и поэтому он знает каждое сердце человеческое, и когда из хорошего выйдет дурное, и когда конец счастью и радости и начало злополучия. И вот он говорит, что в жизни нашей, как свет чередуется с тьмой, так счастье и радость – с великим злом и великими мучениями, и потому это так, что как Бог начальник света, так Сатана – тьмы, и как Бог даватель радости и счастья, так Сатана – повелитель злых призраков, выступающих из ада, чтобы поселить на земле горе и зло. Среди добрых людей живут люди другие – дети антихриста, – и как только добрые станут говорить: вот мы свободны, счастливы и по совести все совершаем, – так люди от антихриста начинают разрушать счастье их.

Алексей, слушая ее со вниманием, все время недоверчиво улыбался, и едва она приостановилась, как, рассмеявшись, вскричал:

– Невесточка, милая, что это ты пугаешь… Думаешь, страшно, а я вот, слушая, улыбаюсь в душе да любуюсь тобой, хотя ты и печальна, и говоришь ненадобное. Бесов и злых духов нет между нами в Зеленом Раю – все братья, племянники, внуки – одна семья, значит. Есть, слыхал я, страшная и холодная страна, откуда когда-то наши прадеды бежали с цепями на ногах – Россия называется: там точно так бывает: кто кого одолеет – тот владыка, значит; бывают такие, что одолевают сотни иных – всех под ярмо, значит, верблюды это его, куда погнал – идут и на горбах несут тяжести. Сказывал старец один, что поэтому самому там бунты всегда, убийства и великое издевательство над бедными; и чтоб издеваться над ними и брать под защиту богатых и сильных, там и суды есть, и так судят, что белое черным делают; есть у них и много церквей, с медными такими колоколами на вышке, в которые колотят железом:

Бог, значит, зазывает к Себе в гости в дом, и иконы разные, сами же рисуют мужчин и женщин и говорят о них: чудотворцы эти – что ни попросите – дадут, есть и тюрьмы, в которых держат на цепи людей, у которых не вышибли разум из головы. Все этакое там для того, чтобы сделать из человека осла, и люди там глупые, измученные и несчастные. Мы этакого ничего не совершаем и человек у нас гордый, свободный и веселый, и только два начальника – Бог на небесах и в груди совесть. Так вот раскинь разумом, голубочка Груня моя, и сама поймешь, что старец ваш болтун и пустое болтает… Такое у тебя сердце пугливое и простое… ах ты, моя птичка лесная… Целовать буду, пока не споешь мне веселую песню…

С веселым, беззаботным хохотом он охватил шею девушки и стал покрывать ее лицо поцелуями. Девушка повеселела и в свою очередь, засмеявшись, сказала:

– Может быть, и пустое, я не пророчица. – И вслед за этим, опять сделавшись печальной, она проговорила тихим и боязливым голосом: – Говорят люди, не бывало никогда, чтобы старец наш по пустякам пророчил. И вот он что про вас сказал: «Был Зеленый Рай, и сделается он как ад, и люди себя не узнают».

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Алексей своим звонким, беззаботным смехом. – Над тобою, горлинка моя, подшутили люди…

– И вот еще что…

– Ну, что?..

– Ходит к нам от вас твой дядя Парамон, и говорит он, чтобы не давали бедных невест с нашей духоборской деревни за ваших парней в замужество. «Найдем и богатых, – говорит твой дядя. – До сих пор сами женились парни по охоте, а теперь старики сами будут женить, и приказ дадим, чтобы всякий в нашем „раю“ отдавал половину урожая старцам…»

Девушка не договорила, потому что из горла юноши вырвался такой громкий, весело-счастливый, беззаботный хохот, что совершенно заглушил ее слова.

– Дядя Парамон, добрый мой дядя… ха-ха-ха!.. Грунечка моя, да ведь над тобою он подшутил…

– Теперь я вижу сама – подшутил…

Увлеченная веселостью своего жениха, Груня, в свою очередь, стала беззаботно смеяться, положив обе руки на плечи юноши и глядя на его лицо ласковыми глазами.

– Силком женить нас будут, как молодых ослят, и что заработали – отнимать, это как в сказке злые колдуны делают, чтобы погубить людей… Ах этот дядя… уж я его…

Юноша поднялся с места и, окрутив рукой талию своей невесты, направился с нею в сторону моря.

– Смотри, Груня моя, как у нас весело, какое приволье, какое счастье и песни кругом…

Вправо и влево от них, на ровной площадке горы – на том самом месте, где когда-то стояли на коленях два каторжника и их жены – тянулись в несколько рядов ровными линиями беленькие, чистенькие домики, по стенам которых вились виноградные лозы, прикрывая их почти до половины. На плоских крышах домиков, посреди кустов с расцветшими розами на них, бегали маленькие дети, иногда под надзором сидящих там старух. Фигуры стройных молодых женщин с серпами или граблями в руках всюду стояли в разных позах, работая в своих виноградниках, огородах или садах. С разных сторон раздавались звонкий смех и пенье, так что веселье носилось в самом воздухе, и неумолкаемое щебетанье ласточек, кружившихся черными крестиками в прозрачной синеве над домами, придавали этой картине ликующий вид настоящего Божьего сада. Впереди расстилалось безграничное море, по которому под белыми парусами носились челноки с сидевшими в них рыбаками. По всем уступам, площадкам и склонам горы зеленелись купола разнообразных фруктовых деревьев, из-под которых кокетливо и миловидно выдвигались крыши и белые стены домиков. Вправо и влево на бесконечное пространство расстилалась зеленая долина, поросшая всевозможными растениями, с возносящимися по сторонам ее горами. Среди долины и на горах, всюду виднелись фигуры крестьян в белых рубахах.

Алексей и Груня долго стояли неподвижно, любуясь открывшейся их глазам картиной.

– Да, хорошо у вас, – сказала девушка, ласковыми глазами глядя на смеющееся лицо своего жениха.

– Вот видишь, и никакого антихриста нет между нами, а если б завелся такой, мы утопили бы его в море… – Он рассмеялся и, вдруг заметив кого-то, сказал: – Вот идет дядя Парамон. Пойдем к нему, Грунечка.

Он повлек было за собой девушку, как та, неожиданно остановившись, вскрикнула:

– Ай, это что!

Она стояла с опущенной головой, с побледневшим лицом и глазами, устремленными на огромную сверкающую золотистой чешуей змею, которая, изгибаясь кольцами, быстро ползла в траве.

– Змея!.. Уйдем от нее, Грунечка…

– Вот видишь! – сказала девушка, быстро отбегая от змеи вместе с Алексеем.

– Что?

– Наш старец говорит, что змея – это как бы образ вечного зла, которое всегда на земле…

– Не верю я в это, – сказал Алексей. – Ты, Грунечка, ангелочек мой, очень легковерна, если боишься, чего не бывает – какого-то зла.

– А змея… ведь она зла.

– Так она змея, а человек живет с Богом в груди – совестью… А, дядя Парамон, здравствуй, милый дядюшка!..

С последним восклицанием юноша остановился около трех идущих в ряд пожилых крестьян. Все они шли, взявшись за руки и задумчиво опустив книзу головы, и, так как они были очень высоки, притом с длинными, посеребрившимися бородами, то представляли очень величавое зрелище. Они

были братья – сыновья Демьяна, который еще продолжал жить, в то время как его младший брат лежал в земле. Услышав приветствие, все трое остановились, с ласковой улыбкой глядя на юношу и его невесту. Два из них, стоящие по сторонам – Петр и Василий, – были старики с благообразными, чисто великорусскими лицами, но третий, младший брат, которому, однако, уже было за пятьдесят лет, Парамон, представлял ужасное зрелище. Хотя он был тоже очень высок, но его тело было страшно искривлено, наподобие сука, безобразно выросшего и сухого. Между приподнятых кверху плеч, в рамке рыжих, спускающихся книзу волос, сидела страшная голова с бледным, бескровным, сразу поражающим своими острыми чертами и большими молочно-светлыми глазами лицом. Тонкий, торчащий как клюв аиста нос и острый подбородок придавали этому лицу что-то смешное и жалкое, а так как по тонким, бледно-синим и точно провалившимся губам почти всегда блуждала улыбка, – что-то таинственное и страшное, особенно когда улыбка эта убегала куда-то в рот, точно тоненькая змейка в отверстие скалы.

– Здравствуй, племянничек, здравствуй, – ответил Парамон голосом, казавшимся ласковым и добрым, и по губам его забегала улыбка. – Как совесть твоя? Так ли она светла, как божий день?..

– Радость и веселье во мне, дядюшка, как и у тебя, думаю, и оттого это так, что совесть наша, как светлый Бог в небе.

– Ликую, ликую, племянничек! Всю жисть свою хвалу посылаю к Отцу за то, что сотворил меня… хотя кривеньким… Ничего, ликую!

На один момент тонкие губы его точно оторвались от десен и забились в беззвучном, злом смехе, в то время как голос задрожал в чувстве горечи и обиды. Никто этого, однако же, не заметил, кроме девушки, и Алексей, указывая на свою невесту, простодушно сказал:

– Вот моя Грунечка, подружка моя, говорит, что ты, дядя, хитренький.

– Я хитренький! – сказал Парамон и засмеялся, как казалось, каким-то ласкающим смехом, в то время как его молочно-светлые глаза внимательно уставились на девушку.

В глубине их запрыгали какие-то светлые точки, точно искорки посреди белого дыма, и Груня, глядя на него, слегка побледнела.

– Я хитренький! – повторил снова безобразный человек, с тем же ласковым смехом глядя на своих братьев, и они стали благодушно смеяться.

– Ты, дядя, говоришь у духоборов, что мы рабы в Зеленом Раю, – продолжал Алексей притворно недовольным тоном.

Три старика снова простодушно рассмеялись.

– Жениться я не смею вот на своей Груне по своей охоте и совести, а должен спросить у вас, можно ли… на бедной девке, вот и не позволите и скажете: не смей по любви жениться, а на той женись, на кого мы укажем…

Все это было так необыкновенно в Зеленом Раю, что не только три старика начали хохотать, но и несколько проходивших с косами на плече крестьян, услышав удивительные слова, остановились и стали громко смеяться.

– Ха-ха-ха-ха!.. – громко и простодушно захохотал Парамон, поглядывая на всех поочередно и как бы находя, что на такие забавные выдумки отвечать можно только одним смехом. Впрочем, отходя с братьями от собравшейся толпы молодых крестьян, он проговорил: – Прощай, милый племянничек, и ты, невеста его. Недосуг мне теперь слушать ваши забавные выдумки. Пусть твоя Грунечка придумает еще что про меня. Расскажешь – посмеемся.

Толпа долго еще смеялась, когда Алексей стал рассказывать и о других «забавных выдумках» его невесты, а в это время три брата, идя мерными шагами и все более отдаляясь от толпы крестьян, тихо беседовали между собой, и Парамон говорил:

– Не могут люди жить без управителей и начальничков, это вы как хотите. Читал я много книг всяких, которые брал у духоборов, – священных и всяких иных о временах прошлых разных народов на земле, – и вот вижу я ясно, что никогда еще сего не было – чтобы много людей оставалось без власти. В древние времена был Божий народ – евреи, и вот что выходило: пока они послушливы были всей земной власти, Бог с небес простирал Свою руку над ними, и жили они хорошо, одолевая в единоборстве всякий иной народ. И вот еще дивно: сам

Всевышний давал им Своих любимых людей, чтобы царями и судьями были, и из сего вы сами можете заключить, что и сам Царь Небесный в свободе людей видит не благо, а пагубу и безумье. Через непослушанье, гордость и иное такое прочее сделался Божий народ как бы слепым и безумным, и тогда-то пришел другой народ и сделал их рабами. Вот вам, куда повела свобода: были сынами Бога, и Он Сам беседовал с ихними пророками с небес, и сделались рабами человеков, и цепи наложили на них, и стали их бить, как скотов. Много веков прошло, а Бог не переставал гневаться: рассеял народ этот по всему миру, как овцы разбежались от пастуха по чужим загонам на растерзание волкам, значит. И находится этот народ в великом поругании у всех людей, хотя нынешние и не виноваты: правнуки они давно умерших непослушников. Вот тут-то великая тайна: Бог часто не наказывает первых безумцев, а весь гнев обрушивает на внуков и правнуков, и на всем потомстве. Боюсь я теперь очень и спать не могу по ночам вот от какой думы моей: большой грех мы, старики, берем на совесть, позволяя стольким молодым людям, и разума-то не имеющим, полагаться на одну только свою совесть и свободно жить без руководительства. Великое безумие это, потому что у иного такая совесть, что он нож вынет да в сердце старика-отца. Смотрите, милые братцы мои, как бы с нами Бог не поступил, как с евреями: дал нам мир и счастье на время – хорошо живем пока все, – а на правнуков наших обрушит весь Свой гнев и разбросает Он их, как бы козлов бодливых, по всей земле… И рога собьет, и гордость их, которая учила говорить: мой Бог во мне – совесть моя. Подумайте, братцы мои, не идолопоклонство ли это сказать: совесть – Бог. Моя совесть человеческая, немощная, но, как учил нас Осип, я и говорю: поступаю не по совести, позволяя людям молодым и неразумным жить без правил, без управителей, как соколы какие на деревьях… Отвечайте, братцы милые, что скажете на все это?

С последним словом Парамон остановился под тенью гигантского орешника, ветви которого, простираясь во все стороны, образовывали как бы зеленый шелестящий шатер. Это дерево называли Деревом совещания, так как обитатели Зеленого Рая при всяком недоразумении собирались сюда и решали все свои дела большинством голосов «по совести». Все свое внимание при этом они сосредоточивали на своем внутреннем голосе и потому, прежде чем дать мнение свое, долго стояли в задумчивости, с опущенными вниз головами. Так как испорченных людей там не было, а благодаря свободе и равенству чувства зависти и зложелательства если и шевелились в некоторых сердцах, то с течением времени, во всяком случае, подавлялись вследствие отсутствия благоприятных условий для развития этих сатанинских пороков, то соревнование между ними происходило преимущественно на почве чистоты совести, труда, взаимопомощи, обмена своими мнениями. Получалось в высшей

степени отрадное и почти нигде не наблюдаемое явление: развивались и утончались различные добродетели, и постепенно регрессировали обратные человеческие качества, делающие жизнь для многих в культурных центрах невыносимо тяжелой, – различные пороки. Одновременно с развитием альтруистических начал их умственные силы постоянно развивались, и различные мысли бродили в их головах, как молодое вино в сосудах. Самостоятельность труда, отсутствие зависимости и всякого подавляющего авторитета и, что, может быть, самое важное, необходимость вырабатывать свои собственные выводы, и отсутствие, так сказать, умственных цепей в виде раз навсегда усвоенных традиций и лже-истин, которыми во всех странах опутывают людей с колыбели до гроба, – все это породило чудесный результат: они казались более развитыми, нежели люди, проведшие много лет в школах и получившие аттестат зрелости. Кстати сказать, аттестат этот им дают как раз в то время, когда в них вполне созревают и всевозможные пороки, обладать которыми для борьбы со своими конкурентами, на какой угодно арене деятельности в городах, – грустная необходимость. Не существовало еще министра, который был бы лишен способности лукавить, обманывать и лицемерить, как не существовало еще истинного святого, для которого современники не сплетали бы терновый венец с самыми острыми иглами.

Парамон пристально смотрел на своих братьев, устремляя свои глаза то на одного из них, то на другого, и движение, которое при этом совершало его искривленное тело, напоминало поднявшуюся на хвосте и поворачивающуюся в разные стороны змею. Лицо его при этом все более бледнело и тонкие губы как бы проваливались куда-то.

Два его брата долго молчали, в задумчивости опустив свои головы и исподлобья посматривая на Парамона. Наконец старший, Петр, подняв свою голову, проговорил с густым румянцем, разлившимся в лице:

– Дорогой Парамон, неоднократно уже ты говоришь нам подобное. Знаю я, что совесть в тебе говорит так, а как ты в то же время самый умный между нами, то затрудняюсь, что и ответить. Одно только знаю я твердо: жили мы всегда в Зеленом Раю подлинно, как в Царстве небесном. Хорошо, легко, свободно, в мире и радости, и вот почему, собственно, трудно теперь, да и язык не повернется сказать всем нашим, когда соберутся под это дерево: довольно вам летать, как соколы по деревьям, и никого не знать, кроме совести: мы, старики, управлять вами теперь будем, а вы повинуйтесь, как начальникам вашим, значит. Вот, Парамон, милый, как я понимаю все беседы твои с нами.

Тонкие губы Парамона дрогнули в пробежавшей по ним злобно-лукавой улыбке, и в глазах замелькали искорки. Понимая, что необходимо затронуть слабые струны в сердце своих братьев, чтобы заставить их выполнить его желание, он поднял свою руку над головой и, как бы взывая к Богу, торжественно проговорил:

– Царь Небесный, да раскрой слух Свой для моих вот этих слов, в добавление к словам моего брата Петра: для счастья правнуков наших и чтобы Ты не рассеял их, как козлов бодливых, мы, три старика, не только начальствовать должны в Зеленом Раю, но быть как бы царями…

Он пристально посмотрел на лицо Петра и увидел, что не ошибся: яркая кровь прильнула к лицу его, обнаруживая проснувшееся в нем чувство власти, но, стыдясь этого чувства, он опустил голову. Что же до другого брата, то с ним сразу произошла удивительная перемена: он вздрогнул, и его красивое, с посеребрившейся длинной бородой лицо сделалось светлым, точно в отражении блеснувшей молнии: это сверкнули его черные, большие глаза, в то время как его дугообразные черные брови вздернулись кверху в выражении приятного удивления.

«Ого, – прошло в это время в голове Парамона, – ты, я вижу, совсем царь, только вот голов люди не хотят сшибать: ты и топором рубнуть по шее не задумался бы».

Думая так, Парамон пристально смотрел на Василия, так что последний в чувстве смущения переступил с ноги на ногу и, сделав резкое движение всем телом, проговорил:

– Какие мы цари?.. Уж куда там… да и народу-то всего две сотни… горсточка такая, что если назовемся управителями-то, и то ладно. Не в этом-то дело, как называться будем, а в том единственно, что, дальновидно прозревая разлад великий и всякое горе в нашем Зеленом Раю, даешь хороший совет, мой милый Парамон. Согласен с тобой совершенно. Журавли вот пролетают под небом, и то вожак впереди, в пчелином раю – царица-пчелка, у всякого народа тем более – начальники и власти, и только мы в Зеленом Раю живем, словно лошади степные. По зрелому рассуждению вот вам мое последнее слово: будем как бы начальники в нашей деревне и приказы станем рассылать, а чтобы в повиновении находились наши сыновья, племянники и иные семьи, придумаем особенные средства для этого…

Парамон тонко улыбнулся и, скрывая радость свою, обратился к старшему брату:

– Ты молчишь, милый брат…

– Собственно, потому, что хорошо жили…

– По совести будешь властвовать, и на душе будет светло, сундуки наполнятся серебром и золотом. Теперь работают люди над землей кое-как, и то она так и прыскает всякими дарами, словно молоко с женской груди, а как поставишь их в упряжку, чтобы работали для правнуков, отдавая в общую казну всякий излишек, то и золото потечет к нам, и будем мы такие богатеи, как цари. Вот этим самым, любезный братец мой, ты и будешь командовать, как бы начальником работ и хранителем общей казны.

– Да ладно уж… – ответил Петр, как бы нехотя и отмахиваясь рукой, но Парамон прекрасно видел, что он притворяется, так как все лицо его сделалось красным от радости, грудь вздымалась от волнения и голос сделался густым и басистым, точно чужим.

«Клюнули приманку оба братца и теперь на крючке у меня, – прошло в голове Парамона. – Так всякого человека можно поймать: один деньги любит, другой радуется, что дураков нашел, над которыми можно власть проявить, а третий не любит ни того, ни другого, а красных девушек, вот ты их и лови – орла – сырым мясом, ворона – падалью, а развратник сам побежит за голой бабенкой, хотя в ад…»

Оба старших брата стояли, молча поглядывая друг на друга, пока младший предавался своим мыслям.

Наконец Петр сказал:

– Что ж, быть хранителем общей казны – покойное занятие, и легко на совести при этом. Я согласен… – А ты, милый Васенька?..

– Да кем же быть?.. Не царем же, в самом деле… – проговорил он притворно-ленивым голосом, но из глаз его сверкнуло что-то, и, чтобы скрыть лицо, он опустил голову, жадно ожидая в то же время ответа Парамона.

– Ну, царем… Это высоко залетаешь, а называйся начальником Зеленого Рая… будешь распоряжаться всеми и приказы рассылать…

– Вот обоих нас назначил на должности, – со смехом проговорил Петр, – а про себя-то и ни слова…

– Куда мне уж с вами… Смотрите, братцы милые, какой я…

С этими словами Парамон, как бы выставляя напоказ свое безобразие, повернулся на неподвижно стоящих ногах в одну и другую сторону, показывая свое винтообразное, изуродованное тело с плечами, высоко торчащими, точно кости от оторванных крыльев огромной птицы. Лицо его, виднеющееся между ними, с ниспадавшими по сторонам прядями рыжих волос, было жалко искажено страдальчески злобной улыбкой, блуждающей по губам, как раздавленная змея в расщелине скалы.

– Видите, какой я… Куда там начальствовать… Да и смирение мое всем известно… С покорной душой родился и с покорностью под небом стою и хвалю Бога: может, и молнией ударит в гневе, что по земле Его ползает тварь этакая… Нет, братцы мои, мне бы только книги читать да наблюдать, чиста ли совесть у всякого человека… Мне это как раз за смирение полагается… Вот я и буду правителем веры и учения в школе.

– Это ты хорошо придумал, – проговорил Петр, кивнув головой. – Ученость и совестливость твоя известны всем.

– Согласен и я… – сказал Василий. – Наблюдай, чтобы совесть чиста была у всякого человека… хорошо придумал.

С минуту все стояли в раздумье.

Вдруг Василий решительно сказал:

– Братцы, милые, подадим же руки друг другу и поклянемся сохранять в тайне все сказанное здесь. Потом и действовать начнем заодно…

– Подождите, голубчики, руки подавать, – остановил обоих братьев Петр, – вы забыли главное…

– А что такое? – спросил Парамон.

– Про отца забыли-то мы, вот что… Про родителя, ветхого старца – и ни слова, а без него никак нельзя… Его только и почитают внуки и правнуки, и он… что Бог.

– Скорее, ворон, – с затаенной злобой ответил Парамон. – Только не клюет больше, потому стар.

– Что ж ты так про отца-то? – удивленно глядя на Парамона, укоризненно сказал Петр.

– Не забыл я о нем, братец милый, и сам хорошо знаю – святыня он для всех в Зеленом Раю, но как он очень уже стар и умом как младенец сделался, то я вот что придумал: говорите ему, что Бог не терпит такого общества – без управителей и начальников, и вот почему, собственно, пошли на нас разные беды – ссорятся внуки беглых каторжников из великой России, и потому надо, чтобы он, Демьян, власть явил. Это мы потом рассудим, как власть проявить и прочее, а пока идите без меня, скажите, что в Зеленом Раю неспокойно без его начальствования, – посмотрите, как обрадуется. Знаю я его, душа его – огонь, да вот воли не было, скажите и так еще: из России шлют полицейских, смотреть, что за деревня такая – без начальства, и в избах без икон; боится он полиции и наш будет, а как ум его ослаб, то будет он не управителем, а старой размалеванной куклой, вот мы и будем, значит, для блага общего начальниками…

– Только чтобы по совести… – начал было Петр, так как, имея тайное пристрастие к деньгам, он в такой же мере был человеком честным и хорошим, и слова Парамона его встревожили, но Василий, терзаемый жаждой власти, быстро его перебил:

– Подадим же, братья милые, руки друг другу и поклянемся держать все в тайне и заодно быть по совести…

– Только боюсь, Парамон милый, – взволнованно заговорил снова Петр, нерешительно протягивая руку, – может, ты не по совести, и Бог не благословит

начальствования нашего… Может быть, с умыслом каким говорил неправильно…

– Пусть тогда моя эта рука отсохнет, – проговорил Парамон, поочередно подавая руку братьям. – Пусть тогда Господь в гневе Своем бросит молнию в мое хилое тело, и она прожжет его; пусть нападут на меня лютые болезни, и я буду лежать перед всеми, как сухой лист; пусть короста покроет меня… Пусть…

– Довольно, довольно, милый Парамон, – испуганно воскликнул Петр, – мы видим, что совесть твоя чиста и что ты честнейший у нас… Пусть и меня постигнет то же самое, если я сделаю что-либо противное совести…

– И меня, и меня, – проговорил Василий. – Только бы счастье иметь… для счастья, значит, общего… а в душе я всегда буду как голубь…

– Вот это даже приятно слушать, милый Васенька, – сказал Парамон с чуть заметной улыбкой, и в глазах его что-то засмеялось, – ты совсем как голубь, и у Пети тоже душа голубиная, я уже знаю, а я сам посреди вас со святою книгою в руках, – овечка. Так идите же, братья милые, к родителю, а я пойду… молиться… Прощайте же.

Парамон отошел от братьев, но вдруг, остановившись, обернулся и засмеялся.

– Чего ты так смеешься? – спросил Василий.

– Вспомнил племянничка нашего Алексея с его причудливой невестой. Такая жена замучает его, бедного, потому порченая она, и сны разные видит, и пророчества разные, по малости ума. Свобода такая, жениться хоть на ослице, уроде или прокаженной – подлинно потеха, и Бог посмеивается над свободным Зеленым Раем. Нет, братцы милые, не дадим племянничку загубить себя и на нем покажем, что мы – начальники. Впрочем, потом все это обсудим, о спасении, значит, а пока прощайте…

Хромая на одну ногу, голая ступня которой, расплюснутая и красная, напоминала огромную гусиную лапу, и опираясь о палку, он быстро отошел от братьев и направился к деревне.

II

Красно-огненное солнце выплыло на горизонте над морем, набрасывая на него золотисто-красный покров. На голубом небе стали вспыхивать звезды, точно фонарики, зажигаемые рукою невидимого ангела, и Зеленый Рай пел и звонко, детски-беззаботно смеялся. Теперь у каждого домика, посреди чинар, развесистых кипарисов и кустов с рдеющими красными розами, расхаживали, бегали, смеялись, пели молодые и старые люди, женщины, дети. Некоторые расхаживали с венками из роз, а девушки с косами, перехваченными цветами, – и звонкое веселье, казалось, уносилось от земли к безоблачному, ясному небу, но не существовало еще такого уголка на земле, где посреди мирного счастья и радости не подымался бы на своем хвосте невидимый змий.

Обыватели Зеленого Рая, однако же, не размышляли об этом и продолжали беззаботно смеяться, петь, а молодые – ухаживать за девушками, в то время как Парамон медленно шел вдоль домиков, прихрамывая и посматривая завистливыми и злыми глазами на молодых людей и женщин.

С того времени, как два каторжника поселились здесь со своими женами, прошло много десятков лет. Посреди роскошной природы, в отдалении от всяких властей, накладывающих цепи на свободу человека и разрушающих земное счастье, население Зеленого Рая стало увеличиваться с необыкновенной быстротой. Демьян и Осип имели очень много сыновей и дочерей, а последние, в свою очередь, набирая себе невест и женихов от людей, скрывающихся в необитаемых местах Закавказья от русских правителей, преследующих их за религиозные убеждения, в короткое время удесятерили потомство каторжников. Иногда женились, выходили замуж родные братья и сестры, и это мнимое преступление ровно никаких зловещих последствий для Зеленого Рая за собой не влекло. Все цвели здоровьем, как цветы под раскаленным солнцем юга, порождая, подобно розам, вокруг которых появляется множество бутонов, маленьких свободных граждан. Природа, в свою очередь, отвечала им такой же щедростью, и в то время, как леса шумели от бесчисленных птиц и всяких четвероногих, земля в необыкновенном изобилии порождала всевозможные злаки, овощи, виноград, древесные ветви сгибались под тяжестью яблок, персиков, гранат, а в глубоком море были иного рода многочисленные жители – рыбы. При таких условиях жить было бы легко, если бы они и очень мало работали, но благодаря завещаниям Осипа они отличались трудолюбием, и после короткой работы над землей они начинали возводить маленькие домики с плоскими крышами, на которых устраивали цветники, или, отправляясь на берег

моря, делали челноки, лодки, или, уходя в леса, ловили разных птиц и животных с целью сделать их ручными. Свободного времени тем не менее у них оставалось много, и вот они начали заводить школы и, собираясь в группы, часто возбуждали вопросы о Боге, природе, и такие философские диспуты, благодаря самостоятельно вырабатывающимся мыслям, утончали их ум, как ни в какой школе, где учитель вкладывает в умы зерна истин совершенно так, как птицы, бросающие корм в раскрытые ротики птенцов: то и другое часто выбрасывается вон. Конечно, знания их были очень ограниченны, но зато их головы были свободны от всякого ученого сора, который у нас обыкновенно внедряется в умы вместе со знаниями. Простота религиозных понятий в Зеленом Раю для его обитателей тоже была самым благоприятным условием: видя над своей головой звездное небо, они духовными очами своими видели скрытого Бога в нем и возносились к Нему с молитвой, непосредственно, без всякого предварительного обращения к Его адъютантам – святым и угодникам. Свободный полет мыслей в океане беспредельности вырабатывал в каждом из граждан свое особенное миросозерцание, молитвенное преклонение перед таинственной природой, религиозный трепет при мысли, что все видимое и беспредельное есть порождение воли невидимого и могучего Хозяина, в голубой эфирной мантии с очами-звездами. Все было колоссально, беспредельно величественно и мысль носилась в пространстве, как свободный полет крылатого серафима, не приклеиваясь к позолоченной кукле с усами, как в Китае, или к разрумяненной рожице какой-нибудь небесной фрейлины, как это делают набожные католики. Обитатели Зеленого Рая были свободно религиозными, и молитва их не только укрепляла в них веру, но и кристаллизировала их дух, очищая его от всякой нечистой мысли, умудряя их разум и делая их справедливыми и честными, потому что в ком пребывает Бог, в том поселяются и Его ангелы – мудрость и все доброе. В цивилизованных странах таких чудес религия не делает, а скорее, наоборот, поселяет в сердца ведьму лицемерия и Каина братоубийства, и неудивительно: вознестись к Богу можно не иначе, как по старой прогнившей лестнице, будто бы ведущей к небесам, на каждой подламывающейся ступени которой стоят вороны в рясах, тем усерднее каркающие об аде, чем больше надеются выловить рыбы в мутном озере небесного царствования. Неудивительно поэтому, что подъем к небесам тяжел и редко кому приходит в голову, что Бог никогда никакой свиты Себе не назначал и потому голос неуча-крестьянина может быть так же услышан Им, как и казуистическая торжественная молитва первого архипастыря, заседающего в Ватиканском дворце. Не имея определенных верований и обрядов, обитатели Зеленого Рая не имели также судий и судов, и это избавляло их от большого несчастья: помрачения ума и помешательства совести. Совесть у каждого из них была пока здоровой, и потому единственно она являлась верховным судьей со скипетром

справедливости в руке и в короне добродетели, восседающей на троне сердца. До сих пор среди членов общины царила полная гармония понятий, справедливости и дружелюбия, а потому – беззаботного счастья и веселья, но ни одно общество под солнцем не живет длинные годы такой счастливой жизнью, потому что злейший враг человеческого счастья – человек-разрушитель. Часто внук сознательно разрушает счастье, созданное дедом, а правнук опрокидывает на головы людей все беды и несчастья, как огнедышащий вулкан, покрывающий целый город огнем и пеплом. И вот в то время, когда обитатели Зеленого Рая предавались беззаботному веселью, осторожно и тихо прокрадывалась поднявшаяся на хвост змея с человеческой физиономией.

Парамон шел между домиками, прихрамывая, опираясь на палку и пристально всматриваясь в счастливые лица обитателей деревни. Картина общего счастья, а в особенности вид красивых женщин, за которыми ухаживали молодые люди, вызывали в душе его чувство зависти, злобы и как бы обиды, ведь природа создала его таким безобразным точно нарочно, чтобы женщины отворачивались от него с отвращением и чтобы бесконечно его мучить. Чувство обиды с самого детства запало в его душу и с годами стало разгораться в неугасаемый огонь злобы, досады и зависти. Бог, очевидно, глубоко несправедливый Отец Своих многочисленных сыновей, так как одних создает умными и красивыми, другим дает чудный голос растрагивать сердца, третьим – разнообразные таланты, а его вот создал уродом, точно для общего поругания. Такие мысли, кружась в его уме, входили в сердце, как острые спицы, и протесты его, направленные по адресу Небесного Отца, часто видоизменялись, направляясь против земного – Демьяна – и против всех людей. Бог – центральная фигура мироздания, а раз Он является главным нарушителем равенства и справедливости, то, по мнению Парамона, любовь, равенство, справедливость и совесть – не что иное, как одна «большая глупость», придуманная дураком Осипом. «Сам Отец Небесный хромает по этой части, насчет совести, значит, – рассуждал Парамон, – и обижает меня жестоко цельную жизнь и как бы глумится с небес, ну так и я тоже вынул ее из себя, на кой прах она? И посмеюсь вволю, потешусь, потому одно это, собственно, и осталось мне». Все такие мысли он заботливо скрывал от окружающих, проникаясь все более лицемерием и хитростью. Он не хотел, однако же, быть совершенно одиноким в области осмеяния социального устройства Зеленого Рая и потому стал расспрашивать у различных изгнанников из России, как там живут люди, и, не довольствуясь этим, стал разыскивать книги и усиленно читать. Общая картина прошлого человечества была в его глазах мрачной, мученической и кровавой, и ему делалось весело. «Вот тебе и добрый Папаша на небеси – какие кнуты закатывает деткам любезным и все кровь, кровь, кровь – должно, пьет это ее вместо виноградного вина и во хмелю

бывает дерзок на руку… Что ж, по мне так веселее… Не хочу я видеть этих рож счастливых, точно медом обмазанных, не хочу рая на земле, потому что он мучение для меня, и в душе моей в это время как бы крик совы – жалобный такой и дикий… Опрокину рай, а когда здесь начнется ад, начальником буду, и дам богов новых, с бородами, и все такое прочее… Что, Ваше небесное всемогущество, не нравится?..»

Глядя на небо и остановившись на месте, Парамон, искривив лицо, высунул язык, как бы поддразнивая кого-то. В это время, невдалеке от себя, он услышал стройное пение и, как пойманный преступник, вздрогнул и стал всматриваться в полумрак наступающей лунной ночи. На кровле маленького домика стояли на коленях несколько человек мужчин и женщин, вокруг которых группировались разного возраста дети. Центральное положение занимал высокий старик с длинной, совершенно белой бородой. Он стоял на коленях с поднятыми кверху руками. Все пели молитву, сочиненную когда-то Осипом и видоизменяемую потом другими сообразно пониманию каждого. Мужские голоса смешивались с женскими и, как бы обвиваясь с тоненькими детскими голосами, стройно уносились кверху, как бы вместе с чувствами радости, умиления и счастья.

Парамон смотрел на все это со злой улыбкой и, как бы увлекаемый какой-то силой, стал приближаться к домику и остановился под деревом.

В это время старик, прерывая пение, проговорил сыновьям и внукам:

– Радуюсь, если у всех хорошо на сердце – свободно и легко, – хотя бы и не молился он словами, все одно из счастливого сердца подымается хвала Богу… И наоборот, я полагаю, если у кого черный камень греха на сердце, какие слова ни подбирай – молитва не понесется к небу, как птица, у которой спутаны были бы крылья. Человек такой пускай снимет сначала камень с сердца, и когда сделает это, сердце само заговорит в молитвословии, как щебечет ласточка… Смотрите же, дети и внуки, милые, чтобы в вас всегда веселье было… в этом вся молитва… Мой отец Осип так учил, а я вас, а впрочем, каждый пусть поступает по-своему, только совесть чтобы его была как настоящий ангел в белоснежном одеянии…

«Хорошо, хорошо, болтай, старый дурак, и ходи в белоснежном одеянии, пока я на вас не накину другое платье – черное, как у чертей в аду, и побрызгаю его кровицей».

Думая так, Парамон быстро отходил от домика, поглядывая на сады и разные окружающие его строения с населением из разного рода домашних птиц и других животных.

Немного спустя он неожиданно должен был снова остановиться, увидев толпу разных людей, состоящую из мужчин и женщин. Невысокий, чрезвычайно широкоплечий человек, круглолицый, с маленькой светлой бородкой, оживленно проговорил:

– Вот это самое и оно самое…

И он с комическим жестом поднял палец кверху.

Кто-то засмеялся.

– Да что оно-то? Ты говори толком, – послышался чей-то голос.

Широкоплечий человек опустил руку и указал куда-то вниз со словами:

– Насчет баб, значит…

Все захохотали.

– Да что насчет баб-то? – возразил тот же голос.

– Баба, одно слово, царица для мужа, коли она любит его, слаще меду и ценнее всех драгоценностей, а коли не любит, лучше бы ему иметь горб на спине, нежели женщину, которая не любит его…

– Правда-правда… лучше иметь горб на спине, – единодушно заговорили со смехом в толпе.

– Вот, Андрюша, милый, – продолжал все тот же голос, – что я о женщинах знаю. Теперь говори ты – слушать будем.

Андрюша – широкоплечий блондин – заговорил:

– Вот оно самое и есть. Женщина вольна любить, а вольна не любить, потому, собственно, что у нас, в свободном раю, все по совести. Теперь, други мои милые, подумайте сами – может ли бабенка, которой минуло только двадцать восемь, любить мужа и целовать его, значит, и обнимать, и все прочее этакое, такое… самое…

Он подмигнул глазами и засмеялся, и в ответ на это все дружно расхохотались, а кто-то сказал:

– Ну-ну, болтай, они умеют, бабенки, и обнимать, и прочее такое…

– Коли ему шестьдесят весен – так разве это по совести, спрашиваю я вас, – продолжал широкоплечий человек. – Думаю я, что обнимать такого старого все одно ей, что прижимать к своей лебяжьей груди старого, рогатого козла. Куда сладко…

Все опять захохотали.

– Теперь подумайте, друзья, как много у нас в Зеленом Раю ходят с горбом на спине.

– Как с горбом на спине? – послышались голоса.

– Да вы же сами сказали, что жена нелюбящая хуже, чем горб на спине…

– Правильно, это мы сказали.

– Много у нас горбунов, значит…

– Ха-ха-ха! – разнеслось с разных сторон, и какая-то бабенка, со звонким смехом притоптывая ногами, воскликнула: – Горбатенькие… горбатенькие! Ты, Андрюша, милый, досказывай дальше, что делать-то.

Парамон, скрывающийся за деревом, при этих словах женщины сильно вздрогнул и уставил глаза на бабенку.

Это была его собственная жена – высокая, стройная, с роскошной грудью, на которую теперь падали черные косы ее волос, точно две изгибающиеся змеи, и в то время, как она хохотала, раскрыв розовый рот и прищурив большие черные глаза, косы эти, точно живые змеи, подпрыгивали на ее волнующейся груди. В лунном сиянии ее лицо казалось алебастрово-белым, зубы сверкали и глаза казались большими, черными кружками, пылающими огнем. «Прелюбодейка, проклятая, задушить бы тебя этими самыми косами твоими… Ну, смейся-смейся… Чудится мне, в этом смехе такие твои мысли: вот и мой муж, Парамон, ждет любви от меня… такой старый козел… Свободная чистая совесть… ах вы, черти этакие!..»

Охваченный дрожью, Парамон стал смотреть на широкоплечего Андрея, который, под влиянием слов жены Парамона и ее веселого смеха, горячо заговорил:

– По моему разумению, если мы действительно свободные, как птицы, жители Зеленого Рая, то должны понимать и женское положение: молодые бабы не должны жить с опостылым мужем, стар ли он или по чему-либо прочему такому-этакому… В Зеленом Раю это завсегда страм и грех, если не по чистой совести, значит, живет, а потому, может быть, что муж приводит как бы в тягостное недомыслие ее… Такая бабенка пусть допросит совесть свою и, когда совесть ей скажет свое последнее слово, пусть и она нам всем его скажет, под Деревом совещания. Может быть, она любит не мужа, а молодца иного… этакого, такого… вот и пускай заявит – кого женой хочет быть. Во всем у нас свобода, только одной совести и слушаем, а бабенки наши как на привязи…

Толпа заволновалась.

– Как это, бабенки на привязи! Бабенки могут и заявить под деревом, с кем хотят жить… Такое всегда у нас правило, значит, только наши вот бабенки забыли совесть-то, если живут с постылыми…

Слова эти, произнесенные кем-то из толпы, вызвали волнение среди находящихся здесь женщин. Раздались женские голоса, и какая-то низенькая женщина, волнуясь, заговорила:

– Да совесть-то моя раскололась надвое, может… Одно дело муж, одно дети, а там любовь вошла в сердце… вот и борешься с собой… Детей надвое разрывать

– совесть не позволит, вот и терпишь, и оно бывает лучше так, а бывает, и не лучше… разно случается…

– Не неволит вас никто, бабенки милые, – решительно заявил высокий мужчина, нежными глазами посматривая на женщин, – с кем хотите, с тем живите, и ты, Андрей Гвоздиков, хорошо сделал, что напомнил это, – бабенки забывают. В свободном Зеленом Раю невольница – большая для нас обида и срам, вот что.

– Обида, обида! – раздались голоса в толпе, в то время как тоненькие женские голоса начали энергично протестовать против этого.

– Ты, Андрюша, может быть, и неспроста повел разговор такой…

– Может, и неспроста, – загадочно отвечал Андрей, подмигивая кому-то.

– Может, знаешь бабенку какую, что не по совести…

– Может, и знаю.

– Может, и я знаю, – проговорила жена Парамона с загадочным смехом в лице и вдруг, как бы против воли обнаруживая свою тайну, шагнула к Андрею и охватила своей голой, блеснувшей в лунном сиянии рукой его шею.

– Ах, мой желанный!..

В разных местах послышался смех, а женщина, увлекаемая своими чувствами и смеясь каким-то воркующим сладостным смехом, начала целовать Андрея в губы, увлекая его в то же время от собравшейся толпы.

Хохот делался все более веселым, и кто-то проговорил:

– Вот оно к чему речь-то гнул Андрюша Гвоздиков своими «такое да этакое»…

– Сама выдалась.

– Бедный дядюшка Парамон, бедный дядюшка! – воскликнула молоденькая девушка с белеющимся в роще светлых волос почти детским лицом. – То-то заплачет, я думаю… Он такой чувствительный, такой добрый…

– А тебе что, ягодка Катюша? – спросил ее высокий парень с едва пробивающимися стрелками черных усиков под тонким с горбиной носом.

– Жалею его – вот что…

– Ты, ласточка моя, всех жалеешь, твоя душа – трепетная горлинка, а совесть – зеркальце… хочешь, я тебя поцелую?..

– Вот и не хочу!.. – Подняв руки, она сделала ими жест перед лицом и побежала по траве, оборачиваясь и подразнивая парня. – Вот догони меня – тогда позволю себя поцеловать… А ну, а ну!..

Звонко хохоча, она побежала и скрылась, заставляя бежать за собой парня.

– Веселая девочка! – сказал кто-то в толпе. – И жалеет как беднягу Парамона, и это хорошо делает, я тоже жалею. Бедный, добренький Парамон!

– Бедняжка, добренький козлик с рожками! – жалобным голосом проговорила низенькая женщина и с выражением жалости приставила по два пальца к своим ушам.

– Бедненький козлик – на веревочке бы его водить, – такой простенький и добрый, и все книжки читает, – проговорила другая женщина и рассмеялась.

– Бедный дядюшка Парамон, – прозвучали мужские голоса расходящейся в разные стороны толпы.

Где-то в лесу заохала сова дико печальным голосом, и Парамону, который все еще стоял под деревом, послышалось, что и она проговорила: «Ха-ха-ха-ха!.. Добрый дядюшка Парамон».

«Будьте вы все прокляты!» – прошло в голове Парамона, в то время как лицо его исказилось в выражении страдания, злобы и ревности. Грудь его подымалась

тяжело и неровно, точно наполненная огнем, безобразные плечи вздергивались до самых ушей и руки нервно вздрагивали, в то время как кончики пальцев стыли, как от холода. Ярость совершила в его внутреннем мире род как бы некоторой катастрофы: опрокинув его прежние чувства и мысли куда-то в глубину, она как бы завалила его душу другими чувствами – исполинскими, как это бывает в пропасти, во время извержения вулкана, когда опрокидываются в нее исполинские камни. Вместе с чувством ярости в нем явились страшная энергия и необыкновенные силы.

Он быстро шел вдоль домиков, яростно ударяя палкой о землю, с закинутой кверху головой и устремленными к небу глазами. По губам его пробегала конвульсивная усмешка.

Он смотрел вверх, как бы желая увидеть в голубой бездне неба общего Хозяина. Он давно уже с Ним как бы сводил счеты и находил, что Бог никогда не уплачивает по предъявляемым им векселям.

– Вот, Папаша, что Ты наделал, сотворив из меня чучело… как теперь хвалу петь Тебе… ругаться хочется, проклинать хочется все, что Ты сотворил единым словом… Ах Ты, косматый коршун в голубой ризе, пьющий из черепа Адама – с того времени, значит, как расплодились эти двуногие черти, – кровь-кровь… Течет она по губам Твоим, капли падают и из них аспиды и гадюки зарождаются… Вот и я, должно, зародился так из пролитой Тобой капли Каина, когда Ты, коршун хохлатый, яростно вился в небе… Папаша, Папаша!.. хочется мне, как и ты делаешь, выпить кровь из лебяжьей груди моей Василисы…

Страшный человек стоял теперь на горе, в отдалении от домиков, с закинутой кверху головой, с отчаянно смеющимся лицом. Внутри его что-то смеялось. Среди его озлобления, желания глумиться и кощунствовать в воображении рисовалась его жена Василиса – с голой грудью и смеющимися губами. Его неудержимо влекло впиться губами в эту грудь и высосать ее кровь… Его любовь к ней была всегда страшно мучительна, потому что она была молода и красива, а он стар и безобразен. Он никогда ей не верил, и вот теперь убедился, что был прав: она, конечно, изменяла давно уже ему с этим Андреем Гвоздиковым. Несчастье свое он объяснял не только своей старостью и безобразием, но и равноправием всех обитателей Зеленого Рая, благодаря чему он не мог приказывать, устрашать и вообще насиловать чужую волю и сердце. Свобода, равенство и обычай слушаться только своей совести и никого больше были для него как бы железной клеткой, среди которой бешено метался он,

безобразный человек, как дикий зверь, ищущий выхода. Коммунистическая организация Зеленого Рая была для него глубоко ненавистна: она связывала его с его сверхчеловеческими страстями и жаждой властвовать, злодействовать, наслаждаться, делая его глубоко несчастным. Василиса была его четвертой женой, но и три первые его жены поселяли в его сердце бури ревности, ярости и жажду мести. Умея быть тонким лицемером и лгуном, Парамон ничем не выдавал себя. Жены его, однако же, умерли одна за другой от неизвестных причин и как-то загадочно. Наивные жители Зеленого Рая, не замечая этой загадочности, видели только одно: неудержимо льющиеся из глаз Парамона слезы, и это заставляло всех повторять: бедняга этот Парамон, опять овдовел, и какой чувствительный и добрый. Была в нем одна особенность. Так как между ним и Богом не было никакой промежуточной инстанции, то он все свои огорчения и жалобы адресовал прямо в горние края, нисколько не стесняясь мыслью, что по адресу может и не дойти. С течением лет такое обращение делалось все более частым, и Парамон все менее начинал стесняться высоким положением своего небесного «врага», позволяя себе самое легкое, фамильярное обращение, переходящее в кощунство. Надо заметить, впрочем, что и все вообще обитатели колонии отличались этой особенностью, так как ни священников, ни господ чудотворцев в Зеленом Раю не было. Они все чувствовали себя, почти в буквальном смысле слова, детьми Небесного Отца и обращались непосредственно к Богу, исполненные веры, любви и от всей полноты своих наивных сердец. Эта простота обращений к Богу как бы зажигала в их душах неугасаемый светильник и делала их добрыми и тихими. С Парамоном происходило нечто иное: в его сердце тоже вспыхивал огонь, но не светильник любви и добра, а, скорее, адский факел, пылающий всеми огнями злобы и ненависти.

– Да, Папаша, – прошептал Парамон, глядя на небо и нервно закивав головой, как при встрече со старым знакомым, – подкузьмил Ты меня еще тогда, когда выскочил я из чрева матери, и с той поры горит, горит мое сердце… Ни одна женщина меня не любила… ни одна, ни одна, а у меня внутри языки огненные подлизывали сердце мое и каждый язык шептал: «Ха-ха-ха-ха!.. Как ты их любишь, бабенок-то, чучело морское ты этакое… пойди и удавись…» Ах, мне хотелось удавиться… И вот по терзаниям, которые ты мне причинял, я вижу, Папаша, как Ты лют… и я хотел быть таким, как Ты, лютым, а у нас вот намордник на меня надели этим самым равенством между собой всех дураков. Во мне змий шипел, а я вот блеял перед ними как добрый козел… козел рогатый, значит… Нашли на них коросту с неба и покрой их красоту волдырями – тогда и я запою хвалу Тебе… Василиса-Василиса! – ножик в твою белую грудь. Нет, я не о ней, собственно… Я о порядках в Зеленом Раю… Вот мое последнее слово,

Папаша, и пускай покроется мой язык белой проказой и черви источат мою внутренность, если я не исполню, что обещаю: как Ты, хохлатый коршун, царь в небесах, так и я буду первым человеком в Зеленом Раю и тоже, как коршун, виться буду над людьми и насчет крови этой… Пугалом Ты меня сделал, чтоб посмеяться Тебе в небесах, так и мне вот посмеяться хочется… Лютым быть… Вот я читал книжки – везде по земле Твои коршуны вьются над людьми, чтобы терзать их, значит, начальники, командиры, власти… Они – палачи по Твоему соизволению, Папаша, так я понимаю, и где они – там ад… Так вот, Ты проморгал послать расстройство в Зеленый Рай… Я буду палачом, Папаша, и Ты мне дай огненный бич с небеси… Надо их потерзать, и чтобы не свободными были, а рабами… Ты ведь, я знаю, первый мучитель, так дай мне власть, и я знаю уж, как их всех расстроить. Аминь! Слышишь, Ты, – аминь…

Глядя на небо с необыкновенной дерзостью, Парамон страшно засмеялся каким-то беззвучным смехом, точно внутри его забился невидимый змей. Он круто повернулся, кивнув головой и проговорив «прощай», и большими шагами направился к домику его отца Демьяна.

* * *

Деревня спала. Огромные деревья едва шевелились своими листьями в прозрачно-ясной синеве ночи. Внизу синелось море, блистая переливающимися лунными лучами и отражая в своей глубине мириады звезд. Восток начал бледнеть. В это время Парамон вышел из домика своего отца, и его лицо было злым и веселым.

В довольно большой комнате, стены которой состояли из буковых досок с вырезанными на них самодельными узорами, сидел за столом на скамейке чрезвычайно дряхлый старик. Белые, как снег, волосы его и такая же длинная борода, в рамке которых выделялось морщинистое с орлиным носом лицо, придавали ему вид патриарха. Голова его слегка покачивалась и глаза то совершенно закрывались, то, наоборот, широко раскрывались в выражении ужаса, точно он видел перед собой привидение. Комнату озарял огонек самодельной восковой свечи, бросающий слабые лучи на разного рода домашнюю, расставленную на полках утварь и на красные ковры, подаренные Демьяну персиянами. Ковры эти, с висевшим на них разного рода оружием, совершенно задрапировывали одну из стен и расстилались по полу.

Демьян продолжал сидеть, покачиваясь, и, когда закрывал глаза, то казался мумией или мертвецом, но вслед за этим дряхлое тело его вздрагивало и глаза широко раскрывались. Все это показывало, что в уме его проходят всевозможные картины и воспоминания, и это в действительности так и было. Два его старших сына, разговаривая со стариком согласно программе, данной младшим братом, внесли в его ослабевший от старости ум совершенный хаос. Он долго сидел перед ними с видом куклы и только одобрительно кивал головой. В нем, однако же, всегда пребывала одна страсть – желание властвовать, распоряжаться, видеть вокруг себя преклоняющихся перед ним людей – внуков и правнуков. В свободном Зеленом Раю этот порок его никому не приносил никакого вреда, потому что он находился скрытым в душе его, боясь показываться, и Демьян, негодуя на такие порядки, не смел, однако же, никогда высказывать свое неудовольствие. Два его сына расшевелили эту дремавшую в его сердце змею, убедив его, что для счастья людей ему необходимо быть как бы патриархом или царем посреди своего крамольного народа. Тогда произошло нечто необыкновенное: дряхлый старик поднялся со своего места, и его старые глаза заблистали прежним огнем. Явившийся под утро Парамон внес еще большую путаницу в его мысли, так что дряхлый старик неожиданно воскликнул:

– Драть надо, всех надо драть… чертей…

– Непременно, папаша… От дранья только телу больно, а душе весело… Вы будете как бы Бог в Зеленом Раю…

– Это мне по душе…

– И у вас в руке будет жезл с изображением змеи, как у Моисея. Означает он власть и мудрость…

– Сыночек, миленький, ты, как ласточка, щебечешь в душе моей… А я думал, что лежу уже в земле – так тяжко было… Ты радость внес… Сечь…

– Как мы втроем скажем вам, так и приказывайте… Кого сечь – сечь, кого миловать – миловать… Так везде на земле, а в России особливо… Иначе, папаша, ведь мы без попов, без веры и все устройство преступное – полиция из России придет беспременно… Вот на днях я видел полицейского… Что, говорит, у вас за общество такое, всех в кандалы надо… Ведь вы, папаша, беглый каторжник…

Глаза старика расширились с выражением ужаса и, схватив за руку сына, он дрожащим голосом проговорил:

– Учи-учи меня, как поступать-то… Я стар и слаб. Каторжник, между прочим… а коли меня схватят… Парамоша, ты учи только, кого драть надо… Плохо вижу глазами-то. Все-таки я, как царь…

Сидя на скамейке, он вытянул ноги и как бы застыл, но на лице светился как бы отблеск власти.

Красно-огненные лучи восходящего солнца вспыхнули на горизонте. Обитатели Зеленого Рая начали уже появляться в дверях своих домиков, в садиках и за оградами, где находилось царство пернатых и четвероногих, – с косами, серпами, граблями и иным подобного рода оружием. На некоторых кровлях домиков виднелись молящиеся и стоящие на коленях люди, по преимуществу женщины. Все они шептали различные слова, сообразно пониманию каждого, – в этом заключалась вся молитва. Глаза устремлялись к небу, руки или складывались на груди, или подымались над плечами, но все это делалось с особенной искренностью и выражением лиц. Некоторые же, появляясь в дверях, возводили взоры к небу и произносили только про себя: «Пошли нам, Боже, здоровье и чистую совесть» – и больше ничего. Лица у всех были довольные и веселые, в разных местах слышались шутки и остроты, а Катя, легонько подгоняя хворостиной маленького осла и ступая за ним голыми красными ногами, притворно сердитым голосом крикнула высокому парню с черными усиками, нахмуриваясь и улыбаясь одновременно: «А ты не смей меня целовать, когда не дано тебе разрешение, чумазый ты этакой!» Как бы разделяя веселость Зеленого Рая, овцы с легкомысленным задором били задними ножками; петухи, вскакивая на ограды, выкрикивали громкое кукареку; ручные самцы-фазаны вытанцовывали, семеня ножками, вокруг своих дам и громко хлопали крыльями, призывая своих подруг к любви; над ульями, сверкая в сиянии солнца золотыми точками, с жужжанием кружились рои пчел. По-видимому, решительно все обитатели Зеленого Рая – и люди, и птицы, и четвероногие – чувствовали себя прекрасно и, проникнутые взаимным доверием, были далеки от черной болезни, свойственной людям высокого прогресса и культуры, – пессимизма.

И вдруг, заглушая радостные крики и песни людей и животных, раздались необыкновенно громкие и как бы похоронные звуки, напоминающие колокольный звон. Это было настолько необыкновенным в этом счастливом

царстве, что все так и остались в тех позах, в которых находились: молящаяся на крыше женщина с воздетыми вверх руками, девушка, срезающая розы, как бы замерла с букетом собранных цветов, а ручной журавль, стоящий на углу дома и поднявший для чего-то одну ногу, так и остался стоящим с видом задумавшегося философа – на одной ноге и с клювом, направленным в сторону, откуда доносился необыкновенный звон.

Звон не умолкал, а, наоборот, делался все более громким и заунывным. Вдруг несколько человек, пробегая вдоль линий домов, стали громко выкрикивать:

– К Дереву совещания, милые человеки, к Дереву совещания!

– Вот диво-то! – раздавались голоса с разных сторон. – Откель звон-то идет – не понять.

Пробегающие люди в ответ на это выкрикивали:

– Теперь завсегда звоном будем вас созывать, милые человеки. Идите же, идите, старики, женщины, дети. Сам прадедушка Демьян речь будет держать.

– Что ж, хотя и Демьян, – громко проговорил высокий человек, ударяя по голове рукой, чтобы удобнее на ней сидела соломенная шляпа, – мы не невольники, хотим – будем слушать, не хотим – нет. Это овец так свирелью зазывает пастух. Вот я и не пойду, коли так.

Он упрямо топнул ногой и скрестил на груди руки.

– Ну, милый дядя Вавила, чего там, уж пойдем, – проговорила высокая девушка и, проходя мимо Вавилы, шутливо хлопнула его по плечу. Потом она обернулась и, маня его добрыми глазами, вкрадчиво сказала: – Пойдем, а там вместе будем.

Великан Вавила покорно шел за ней, а она оборачивалась и все улыбалась.

Люди шли по всем направлениям – старики, молодые люди, женщины, дети. Мучимые любопытством, о чем будет говорить дед Демьян, они нехотя выслушивали людей, протестующих против такого нововведения – созывать их звоном.

– Да, ну уж нечего, – проговорила Катя, перебивая слова влюбленного в нее парня с черными усиками.

– Что мы, невольники, что ли, сзывать нас звоном? – угрюмо проговорил парень.

– А я в тебя розу брошу, – проговорила она со смехом и бросила розу в его лицо.

– Ой, не приставай, Никита, – раздался девичий голос в другом месте, – а то вот тебе, вот…

Говоря это, девушка начала бросать в лицо обнявшего ее молодого человека цветы.

Со смехом и разными шалостями обитатели Зеленого Рая быстро подвигались к Дереву совещания.

– Эй, человеки милые, что это такое, что это такое! – раздался громкий голос Вавилы, который раньше других, дойдя до дерева, остановился под ним с видом удивления, созерцая поразивший его предмет.

Прежде под этим деревом ровно никаких вещей не находилось, теперь было не то: около колоссально широкого ствола стояла огромная, в сажень высоты кукла с безобразным и глупым лицом, с венцом на голове, изображающим сияние, с золотой звездой на лбу и с протянутыми вперед руками, ладонями вверх. Под ногами куклы была картина, изображающая пламя, в котором светились голые тела с мученическими лицами. Высоко, между ветвями, висел колокол со спускающейся книзу веревкой, которую кто-то тянул, и колокол все еще продолжал звонить. Поодаль от куклы стояло грубо сделанное кресло, напоминающее трон.

Собравшись огромным полукругом, обитатели Зеленого Рая долго стояли, не двигаясь, с устремленными на куклу глазами: вид этой куклы слишком их поразил. И вдруг среди полной тишины раздался взволнованный женский голос, прозвучавший как-то пророчески:

– Алешенька, милый… не будет больше радости в Зеленом Раю, и счастье наше улетит к ангелам… Смотри, это пугало со звездой на лбу протянул руки… он

будет вытаскивать монеты из карманов, выпивать кровь из тела и разбивать счастье и радость… Как безумные станут жители Рая… Как юродивые будут молиться, не зная кому, и кривляться, и воздыхать, и в душе поселятся ехидны… Господи, вижу тучи на небе, хотя оно ясно, слышу причитанье из домов и безумные пляски…

Говоря последние слова, Груня, около которой стоял Алексей, охвативший руками ее талию, стояла с запрокинутой головой и с глазами, устремленными на небо. Лицо ее сделалось бледным, и она вздрагивала с головы до ног.

Обитатели Зеленого Рая, выйдя из своего оцепенения, смотрели теперь то на куклу, то на странную девушку, совершенно не понимая значения ее слов. – Какие дивные слова!.. Мы не боимся куклы, – стало раздаваться с разных сторон.

– Грунечка, милая, ты насказала неподходящие слова, – проговорил Алексей, нежно проводя рукой по ее волосам.

– Чудная она у тебя, Алеша, – раздался чей-то голос, в то время как другие крестьяне с негодованием заговорили:

– Не надо бы ей такое несуразное болтать. Кукла – кукла и есть. Шутник какой-то выставил ее под орешником нашим… Оно и хорошо – пугать воробьев будет чучело…

В другом месте кто-то закричал:

– Человеки милые, может, и вправду она вредная какая – кукла-то, так мы ее поволочем к берегу, да в море…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/el-sner_anatoliy/groznyy-idol-ili-stroiteli-ada-na-zemle

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити